

Путешествие в старый город...

« .....Люди исчезают, науки проходят, нравы истребляются, но привязанность к ним остается вечной и тем сильнее, отдаленнее от нас действующие лица....»

Н. Бестужев

Так умирают города..... Выполнив свою историческую миссию, она тихо и незаметно уходит со сцены. Старый Селенгинск, защитив забайкальские рубежи русского государства в XVIII веке, создав основу для рождения Троицкосавска – Кяхты и процветания Верхнеудинска в веке XVIII угасал обессиленный напором сыпучих песков и своенравной реки. Как старик – родитель, взирал он на торговые успехи любимого дитяти – Кяхты, не завидуя, радуясь им. И не ревновал к брату близнецу Верхнеудинску, когда ушла к тому власть и сила. Так было нужно для державы, а его удел – коротать теперь в тени истории годы и дни. Так и ушел, не требуя признания, не ожидая благодарности. Трудно, очень трудно, даже на миг представить, что на теперь пустынном предгорье правого берега Селенги кипела и бурлила когда – то жизнь десятков тысяч людей со всеми человеческими проявлениям. Жизнь полная опасностей, превратностей судьбы, жизнь землепроходцев, воинов, дипломатов, торговых людей, ссыльных, землепашцев. Жизнь, закладывавшая здесь основы дня сегодняшнего.....

Старый город умирал. И его медленная агония запала в душу. Пораженный этой картиной Антон Иванович Штукенберг, выскатель трассы Кругобайкальской дороги, напишет в 1846 году стихотворение «Воспоминание о Селенгинске»

Я, помню вас степей раздолье

И неба мрачного намет,

Где скуки тяжелой своеволье

Терзает душу и гнетёт

И вас я чту моим помином

Вас, гор безлесные хребты

Восставших там тюремным тыном,

Как стража вечной темноты

И вас, картины век живые

Когда увидел я впервые...

Сто сорок лет назад написал эти стихи А.И. Штукенберг. Но выберете один – два свободных дня и поезжайте в Новоселенгинск, найдите в окрестностях его, у скалы «Англичанка», в Посадской долине, по дороге из Бестужевской (Зуевской) пади в забытую деревню Зуй и других здешних местах многие человеческие следы прошлых эпох. Посетите музей и мемориал декабристов, старое кладбище, памятники борцам за Советскую власть и героям войны. Потом подымитесь на «Английский утес» и посмотрите на то, что осталось от старого города. В руинах Спасский собор.... Строгий и честный, как умерший человек, памятник гражданину города Якобию....Каменная часовня....Древнее кладбище... Бурые пятна травы на покинутой селитьбе....Наверное, вам уже захотелось узнать, каким он был, старый город?

Начинался он как город – застава, город крепость, потому и место такое малодоступное выбрано было. С юга и запада – река со многими островами, с востока – практически недоступный хребет, который и назван, поэтому обороняющимся селенгинцами - Обманной. Да и севера не подступишься. Было где разместить и сторожевое охранение, отсюда и название: Острая сопка, Караульный камень, Караульный луг. Таковы были поначалу градообразующие факторы, которыми руководствовался казачий десятник Осип Васильев «со товарищи» ставя первый Селенгинский острог. И всю трудовую работу первопроходцев уместил он в два десятка строк, отписки енисейскому воеводе Василию Голохвастову. Отсюда мы узнаем некоторые интересные подробности подготовки похода, завершившегося строительством острога. « В нынешнем во 175 году (1667), генваря в 3 день, писал к нам великому государю из Сибири и Енисейского острогу, прежний воевода Василий Голохвастов .... И во 173 году писал к нему, Василию (из Баргузинского острога) Енисейский сын Боярский Первой Самойлов.....и он де первой послал пятидесятника казачья Гаврила Ловцова с товарищами девятнадцать человек, дав им из нашей государева казны пушку медную полковую и пушечных запасов, и суды и судовые снасти, и велел им на Селенге реке изыскать угодное место поставить вновь острог.... А из нового Селенгинского острогу писали к нам великому государю служивые люди, десятник казачий Оска Васильев с товарищами в прошлом де в 173 году посланы они на нашу государеву службу на Байкал в Баргузинский острог .....и они де Оска и товарищи ....поднимались своими подъемами ... и, выбрав угодное место на Селенге ....новый Селенгинский острог поставили. Всего двадцать их было, первых жителей будущего города Селенгинска, а пока небольшого укрепленного поселения. Сын Боярский, Иван Перфильев, проехавший в 1668 году через недавно срубленный острог к Цецен – Хану, сообщит в отписке енисейскому воеводе Кириллу Яковлеву: «Селенгинский острог поставлен над рекою Селенгой мерою стены по 15 сажен по углам 4 избы, на избах башни, около острогу – надолбы. А места прилегли около острогу – степи каменные, пашенных мест нет нигде и овощей никаких не родится, местами есть яблони и сандал...».

В этом кратком описании – редко оставленное мгновение первого русского поселения на Селенге, оказавшегося вскоре в самом центре событий, заложивших основы государственности в Забайкалье.

Целой градостроительной поэмой выглядит на его фоне «список с доезду» тобольского сына боярского Степана Полякова, производившего в 1673 году «досмотр» острога и его окрестностей. Колоритную, подробную и очень точную «инвентаризацию» Полякова невозможно читать, попытавшись представить себе, древний силуэт поселения и не поискав места, где оно располагалась.

Читаешь, и вдруг обнаруживаешь, что именно из тех далеких времен пришли к нам названия сегодня заброшенного, но по прежнему неповторимого староселенгинского Спасского собора в его совсем недавно разрушенных приделов. Наши далекие предки воплощали в этих названиях и постройках свои верования, нравственные и эстетические идеалы, свой неукротимый дух землепроходцев.

Вчитайтесь в этот древний текст « В 181 (1673) году ноября и 23- день по указу Великих государей и по Государевы грамоты и по Тобольской наказной памяти... послан из Тобольска в новый Селенгинский острог драгунского строю капитан Степан Поляков для дозору нового острогу.

...И по его, Степана Полякова, досмотру новой Селенгинский острог поставлен, на устье Чика реки над Селенгою. И с приходу от Селенги с западную сторону стены мерою 28 сажень 1 аршин, а в стене поставлены 2 избы, а на верх изб свершено по башенному. А на одной из изб наверху на башне поставлена караулка теплая мшная с печью для зимнего караула. И меж избами в стене острожной порозжие большие ворота, а над воротами поставлена бревенчатая часовня. А с приходу в киоте образ грозных сил воеводы Михаила Архангела. А от ворот на правую руку до избы в стене 40 острожин, а от избы на правую же руку в стене до угла острожного 60 острожин. А на левую руку, идучи в ворота, от ворот до избы 30 острожин. А от избы на левую руку, до угла острожного 70 острожин. А северную сторону мерою стена 19 сажень, а острожин в ней 220 острожин и 3 быком, а бык на углу поставлен с подошненным боем и с верхним. А с восточной стороны стена 28 сажень 1 аршин, а острожин в стене 350, а на углу бык с подошненным боем и с верхним, а середина калитка и ворота с замком. А от быка в полуденную сторону стена 19 сажень 2 аршина, в стене 220 острожин. А в том остроге поставлен малой острог к востоку, в малом остроге в стене поставлены 2 избы, а на избах поставлены вышки, а свершены по башенному: одна вышка выше большого острогу ведеть в поле далеко, и на той вышке в летнее время живет караул.

А острог сверху покрыт тесом и середний бой, а бламы намощены тесницами, по шти и осми тесниц.

А на острове катки кладены следи для приступного времени. А в большом острогу кругом поставлены 12 анбарцев из казачьих для летнего времени. А кругом всего острогу надолбы и около церкви.

А за острогом на надолбах поставлена церковь Божия во имя нерукотворенного образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, а другой престол – образ во имя Михаила Архангела, 3 – й престол – во имя Николы Чудотворца...А от острожного углу до церкви 17 сажень, 1 аршин; а поперек по паперти 5 сажень, да от алтарного угла на восточной стороне 4 сажени»

Какая это удивительная подсказка, где искать, сегодня место острога, археологам и созидателям историко – архитектурного заповедника «Старый Селенгинск».

И с той же методичностью описание идет дальше: «...А за острогом к Селенге река от казачьи строенье поставлено изб и дворов 21 двор».А вниз по Селенге реке от Селенгинского острогу ехати легким конем 2 дня построена заимка, а на заимке поставлено 6 изб и дворов.

А в прошлом 128 (опечатка, видимо 178 – авт.) Енисейскому острогу казачий десятник Любимко Федоров на той заимке для опыту и поселенья на Великих государей спяхал 3 осминника, и на 3 осминника посеяно 4 пуда ржи ко 179 году, а в ужине тое ржи на тех трех осминниках 4 сотницы 40 снопов, а в умолотах вымолочено того хлеба 84 пуда. А во 179 году он же Любимко спяхал на Великих государей десятинку ко 180- му году и посеял на десятину 5 пуд ржи и в году в ужине 6 сотниц 89 снопов, а в умолоте 92 пуда ржи. И общего его за расходом аманацким. У него же Любимка, на заимке на себя и служилых людей ко 181 году своей пахоты спяхано и посеяно на Великих государей ко 181 году полторы десятины и посеяно полвосма пуда ржи...

Вот так и начиналось землепашество в Селенгинском районе. И не только оно. Начиналось и освоение и других природных богатств края: «А соляное озеро от Селенгинского острогу по нем ехати день целой, а соль садится бела, и урядна, и солка, а около Селенгинского острогу рыбные угодыя и зверей ловят много...».

Из материалов досмотра видно, какое большое значение придавали первые поселенцы разведыванию торговых путей в Монголию и Китай. Интересы эти были взаимные, поэтому торговые партнеры начинали устанавливать через Селенгинский острог посольские отношения.

Но острог был тобольский проверяющий, сделав главный вывод, что «по его», Степанову досмотру и дозору в той земле и в Селенгинском остроге будет «прибыль большая», он отметит ...которые в Селенгинском остроге служилые люди и тем служилым людям .... службы показать некем... и приказного человека у них нарочитого нет же...». «Отсюда же мы узнаем, что было всего во время досмотра «служивых людей в Селенгинском остроге сто сорок девять человек».

В 1675 году, т.е. всего через два года после, выражаясь по современному, инспекция Полякова и через девять лет после основания поселения, Селенгинский острог осмотрит и опишет царский посланник в Китай Николай Спафарий.

При подготовке этого посольства из сибирского приказа были затребованы и использованы материалы Полякова, который специально для этой цели был вызван в Москву, где передал «доезд за свою рукою да два чертежа: один – Селенгинского острогу, который чертеж писал в Тобольской отписке, в другой чертеж - сверх Тобольской отписки Енисейскому и Селенгинскому и иным острогам»... В Сибирском приказе Поляков сказал «делал он этот чертеж, едучи из Тобольска к Москве... для того, что в Селенгинском остроге в Енисейску иконников не было, писать некому. А в Тобольске он того чертежа не делал, для того, что посылки себе в Москву чаял. И то чертеж он подал в Сибирском приказе с тем Селенгинским чертежом и стейным списком, для того, что он Степан, в тех местах бывал...». Как видно очень важен был для государства новый острог на Селенге, если тобольского инспектора вызвали так, экстренно в Москву.

Какие удивительные картины и образы далекого прошлого встают со страниц дорожного дневника Спафария. Вверх по Селенге по ее левому берегу двигалось посольство, и все, что было замечательного по этой дороге, попало в описание Спафария. Об остроге мы узнаем следующее: «Октября 2 – й день... да острогу Селенгинского 3 версты и сих места на правой (правой для Спафария, движущегося вверх по течению, - авт.) стороне реки Селенги гора каменная возле реки, а по той горе растет древо небольшое сандал меж каменю, и тем красят кожи и иное, что из немецкого сандала.

И октября во 2 – день приехали в Селенгинский острог. А острог Селенгинский стоит на левой стороне реки Селенги по левому Яру и меж острогу и реки, дворов казачьих с 30 есть; и при остроге церковь великая во имя отца Николы, еще не освящена, и для того обедни в ней не служат, в служивых людей гулящих будет со всеми человек с 200 и больше, и около острогов сады, и в них родятся китайские огурцы, и чеснок, и капуста и иные всякие, а хлеб около острогу не родится. Только есть река Чикой, которая впадает в Селенгу реку и неподалеку от острогу, и по той реке многи пашенныя и хлебородные места есть, а река Чикой великая и судовая, по ней лесу всякого много есть: и можно от него острог ставить и суды делать. А река Чикой течет издалека и того хребта из которого течет река Ингода и река Онон... однокожде ходят селенгинские казаки и промышленяют по тому хребту соболи; а от Селенгинского острогу до того хребта ходят сухим путём недели по 2 и больше. А от Селенгинского острогу на степи верст 12 есть озеро Соленое, и в том озере садится соль ежегодно много, и ныне строили там анбар и хотят соль варить. И от острогу же на степи верст 15 есть место, в котором копают землю и ищут всякие краски и квасцы. И Селенгинский острог под Енисейским воеводою, который посылает приказчиков над ними детей боярских, и тот острог лучше всех украинских сибирских острожков, для того, что хлеб родится всякой, да и садах всякие зелия родятся ж китайские, потому что страна теплая, а рыбы зело много и промышленяют из Байкала и из реки лесу всякого много и лугов для сенокоса много, а паче всех лучше мочно завести в нем торг великой, потому что Китайское государство недалеко, ... а мунгалы ночуют везде кругом зело много и торгуют с казаками: продают кони и верблюды, и скот, также и всякие китайские товары, а покупают у них соболи и иные многие русские товары; только в остроге русских людей не много и торговать не кому».

Как видим, прежде всего, растущее хозяйственное и торговое значение нового поселения занимает посланника, человека большого государственного ума. Уже во времена Сафария торговые пути через острог начинают становиться постоянными: «И понеже от Селенгинского острогу ехали в Китайское государство через Мунгалы енисейский сын боярский Иван Поршенников, да торговые Гаврило Романов с товарищами, да селенгинских служилых людей всего 43 человека». Рассказывая о маршруте Поршенникова в Китай, Сафарий дает, по существу, первое русское описание будущего кяхтинского торгового пути через Ургу (Улан-Батор) и степь Гоби. Пути дружбы, у колыбели которого стоял острог на Селенге.

Всего через девять лет после Сафария и девятнадцать - после основания Селенгинский острог еще раз меняет свой силуэт, приобретая черты поселения городского типа. Узнаем мы об этом от того же Ивана Поршенникова. Этот заносчивый, но, как видно, деятельный «приказной» острога, называл себя в 1685 году перед гонцами в Китай – подьячими посольского приказа Никифором Венюковым и Иваном Фаворовым - «Селенги реки и городу Селенгинского державец». Чувствуя себя маленьким государем в остроге, отдаленном от Москвы на огромное расстояние, он «обидел посольских дипкурьеров и усомнился в их полномочиях, не приняв указа и не оказав им в помощи». В дальнейшем пути помогли гонцам лишь простые служилые люди острога.

И все же какую расторопность должен был проявить «приказной» чтобы всего за срок с 22 марта по 26 мая 1685 (1685) года при «конечном малолюдстве» починенных доложить в Енисейск, что он «город построил, с великою крепостию с нагороднями и с верхним боем и подошевым».

Архитектурный облик перестроенного поселения можно представить из последующего изложения:

«А в полуденной верхней стене построены церковь престол Спаса нерукотворного образа, другой престол собор архистратига Михаила, третий престол великого святителя Николы Чудотворца. А высота с земли до церковного помосту полтретья сажени печатны, а всей церкви высоты до маковицы пятнадцати сажен, а мерой церковь с алтарем пять сажен. А трапеца мерой шесть сажен печатных. А город мера четыре стены по тридцати сажен, и всего кругом города метра сто двадцать сажен. А по углам башни. На восточной стене наугольная башня мерою и стенах четыре сажени, а высота с земли до верхних боев четыре сажени, а всей башне высота десять сажен. Другая наугольная башня с северной стороны мерою в стенах трех сажен, а высота девять сажен. Третья наугольная башня трех сажен, высота до верхних пушечных боев пять сажен, а наверх боев колокольня, всей башне высота и колокольной десять сажен. А промеж башнями в середине стены ворота проезжие, а над воротами часовая рубленая брусчатая. Поверх часовни, бочка обита лемехом. Михаила, а бочке учрежден образ господи Сафаофа. А высота городовым стенам полтретья сажени. В часовне образ небесных сил воеводы архистратига Селенгинскому новому городу в церкви и башням написан чертеж, а тот чертеж выслан в Енисейск...»

Можно предположить что, если в остроге до того не было пожаров, то там еще должна была сохраниться большая часть основных построек, упомянутых Перфильевым, Поляковым и Спафарием. Поэтому в отписке Поршенникова речь идет может быть больше о реконструкции поселения с целью приближения его к статусу, чем о строительстве города заново. Таким образом, небольшой пограничный острог на Селенге стал теперь, накануне важнейших военно - политических событий в Забайкалье, городом. И уже находился в селенгинской городской тюрьме один из будущих активных участников этих событий опальный запорожский гетман Демьян Игнатович Многогрешный...

Еще много будет трудных и великих страниц в истории города. Ему еще предстоит по руководством отчаянно храброго гетмана выдержать длительные осады и разбить иноземных захватчиков в долине, названной потом Убиенной. Город еще станет свидетелем добровольного вхождения в состав государства табангутских бурятских родов. Будут еще важные посольства, мирные договоры, торговые караваны и научные экспедиции. Возникнет город – спутник в устье Чикоя. Еще появятся в истории города в ряду с именем гетмана славные имена Афанасия Бейтона, Федора Головина, Саввы Рагузинского, Ивана Бухольца, Варфоломея Якобия, Ганнибала, Амурсаны, декабристов....

Щемящей грустью отзовется судьба старой крепости города. Чудом уцелела она при двух страшных пожарах 1780 года, когда каждый раз почти дотла выгорал город. Но, как это нередко бывает великое вчера, становится ненужным сегодня. Укрепились границы, и стала она обузой в тесном городе. Это и решило ее судьбу. Свидетелем печального конца крепости был М.М. Лушников, со слов которого другой житель города Г.А. Кондаков напишет: «...Затем осталась от обоих пожаров деревянная крепость, устроенная на возвышенном месте, которая по распоряжению Начальства в 1810 – х годах продана с аукциона на слом...»

Силуэты старого города. В будущем историко – архитектурном заповеднике они нужны для понимания связи времен и осознания роли и значения старого Селенгинска в истории Забайкалья. Важно воссоздать в составе музея истории города в макетах и фрагментах натуральной величины архитектурно - строительный облик первых острожных строений. Очень поможет в этом попытка реконструкции фасадов Селенгинского острогов 1669 и 1685 годов, а также плана острога 1669 года, сделанная исследователем первых русских городов Сибири В.И. Кочедамовым.

И каким уникальным экспонатом станет в музее истории города огромный деревянный крест, воздвигнутый еще в 1690 году атаманом Диятьевым. Эта древнейшая историческая реликвия Забайкалья, чудом сохранившаяся в заброшенной каменной часовне старого города, является для нас не только символом веры наших предков, крест – это единственный материальный свидетель трех веков удивительной истории города.

Пусть звучит в стенах музея и свидетель духовный – народная песня, такая же древняя, как и город. Это песня селенгинских казаков, слова и музыка которой дошла до нас в записи собирателя 18 века Кирши Данилова. Свидетельством очень давних совместных усилий русских и бурят по охране границ государства является отрывок из этой песни, которым и закончим мы рассказ о первых десятилетиях старого Селенгинска.

*А за славным было батюшкою
Байкал – морем
А и вверх было по матке
Селенге – реке
Из верхнего острогу
Селенгинского
Только высылка была
Удалым молодцам,
Была высылка добрым молодцам
Удалым молодцам,
Селенгинским казакам
А вторая высылка посольским
Стрельцам
На подачу им даны
табуночки мужики
Табуночки мужики, люди ясаиные,
Воевода походил, у них Федор
Молодой Дементьевич.*

(Селенга № 142, 143 «Путешествие в старый город» Эдуард Демин, Алексей Тиваненко)